

**THE
NEW REVIEW
Новый Журнал**

Основатели
М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

Семнадцатый год издания

**Кн.
LIII
1958**

Редактор М. М. КАРПОВИЧ

Секретарь редакции РОМАН ГУЛЬ

NEW REVIEW, June, 1958
Quarterly, No. 52.

2700 Broadway, New York 25, N. Y.
Publisher: New Review, Inc.

Subscription Price \$7. — for one year
Second Class Mail Privileges authorized
at New York, N. Y.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>Ив. Буни</i> — Происхождение моих рассказов	5
<i>В. Корвин-Пиотровский</i> — Поражение	12
<i>Е. Таубер</i> — У порога	22
СТИХИ:	
<i>Л. Алексеевой</i> (54), <i>А. Величковского</i> (II, 79), <i>М. Волковой</i> (63), <i>О. Ильинского</i> (58), <i>И. Одоевцевой</i> (55), <i>Ю. Трубечкого</i> (133, 155), <i>Н. Туроверова</i> (60), <i>В. Шидловского</i> (63).	
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО:	
<i>Вяч. Завалишин</i> — Артем Веселый	65
<i>Дм. Чижевский</i> — Выставки русских художников в Европе	80
<i>Н. Нароков</i> — Два Чацких	98
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>В. Н. Муромцева-Бунина</i> — Отроческие годы <i>И. А. Бунина</i>	111
<i>С. Бертенсон</i> — Из писем <i>М. В. Добужинского</i>	134
<i>М. Вишницер</i> — Как я занимался русской историей	156
<i>И. Алексеев</i> — В бурные годы	172
ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Н. Валентинов</i> — Встреча Ленина с марксизмом	189
<i>Н. Тимашев</i> — Две идеологии	209
<i>М. Цеглин</i> — О критике	221
<i>И. Мацкевич</i> — Польша под Россией и под коммунизмом ..	227
<i>М. Карпович</i> — Комментарии	240
ПАМЯТИ УШЕДШИХ:	
<i>В. Александрова</i> — <i>М. В. Добужинский</i> , как писатель	255
БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>Д. Шуб</i> — G. D. H. Cole. History of Socialist Thought. <i>М. Л. Гофман</i> — По поводу книги «50 лет Пушкинского Дома». <i>Роман Гуль</i> — <i>М. Цветаева</i> . Лебединый стан. <i>Роман Гуль</i> — <i>Н. Краснов</i> . Незабываемое. <i>Зоя Юрьева</i> — <i>М. Hasko</i> . Cmentarze. Następnу do гају. <i>В. Коварская</i> — <i>Z. Schakovskoy</i> . Ma Russie habillée en URSS. <i>J. Moch</i> . URSS, les yeux ouverts. <i>Вяч. Завалишин</i> — <i>В. Жабинский</i> . Просветы. <i>Г. Струве</i> — <i>В. Смоленский</i> . Собрание Стихотворений. <i>Н. Б.</i> — <i>Леонид Богданов</i> . Телеграмма из Москвы. <i>Лидия Алексеева</i> — <i>А. Васильковская</i> . Узелок.	261

Порой здоровым и больным
Жить тяжело на этом свете.
Мы никуда не убежим —
Мы все за что-нибудь в ответе.

Что я, что он, она и ты —
Для всех конец один, тот самый.
Кому смеются с высоты
Глаза веселые рекламы?

Скажи, а ты хотел бы знать?
Хотел бы жизнь прожить сначала?
Ведь и тебе когда-то мать
Про счастье песни напевала.

В глазах тоска, по телу дрожь.
А полицейский — парень строгий.
Ты что ж с дороги не сойдешь?
Ведь морякам нужна дорога.

Уйди в подъезд, но там не стой —
Не оскверняй собой фасада.
Они проходят четверней,
И им твоей беды не надо.

Иди, иди, не мешкай, Джим.
Здесь двадцать пять зовется «квотер».
Мы никуда не убежим,
Не расквитаемся с заботой.

Дорогу знаешь — в этот бар
Пускают всех, была бы плата.
Пойди, залей души нагар
Какой-то дрянью горьковатой.

Вяч. Шидловский

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

(Проблема диктатуры и свободы)*

«Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодною игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной
И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло».

Николай Заболоцкий

В течение шести лет, с 1926 по 1932 год, писатель Артем Веселый (псевдоним Николая Ивановича Кочкурова) был путешественником и археологом: в маленькой лодке, совсем один, с двухстволкой центрального боя, наметкой и рыболовными принадлежностями да связкой книг в деревянном, выданном виде, сундучке, он предпринял длительную поездку по Волге и рекам Сибири. «Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, — отмечает писатель в «конечном словце», — то-есть в послесловии к роману «Гуляй Волга», — а с весны распускал парус и на легкой лодке плыл по следам Ермака — Волгой, Камою, Чусовой, Иртышем, — кормясь с ружья и сети... Съел гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам двенадцать тысяч верст».

Путешествие это, само по себе, было блестящим «спортивным достижением». Но «гребной спорт» не был для писателя самоцелью: поездка была использована им, как способ смелого и неожиданного вторжения в историю и в жизнь. Задумав роман «Гуляй Волга», Артем Веселый предпринял свое путешествие после основательной предварительной подготовки в музеях и библиотеках Москвы и Ленинграда.

* Глава из книги "Early Soviet Writers", выходящей в издательстве Frederick Praeger в Нью-Йорке. В английском переводе эта глава печатается с большими сокращениями.

Но и на Волге и в Сибири не было, кажется, ни одного музея, — будь то областной, с редкими памятниками старины и собранием ценных рукописей, или районный, краеведческий, со скромными, ограниченными возможностями — где бы Артем Веселый не побывал. Он упорно и терпеливо изучал всё, что только могло иметь отношение к Ермаку и к эпохе завоевания Сибири. Он ознакомился с такими — затерявшимися в провинциальной глуши — документами и материалами, которые оказались новостью даже для историков, специально занимавшихся Ермаком. От его жадного настороженного взгляда ничто не ускользало: ни почерпелый обломок древнего весла, ни старинная казачья сабля, ни татарские луки с оборванной, полуистлевшей тетивой. Составив карту походов Ермака, Артем Веселый побывал везде, где происходили большие сражения или даже малые стычки дружин Ермака с ордой сибирских татар. Это изучение старины было для писателя той «мертвой водой», которой он «окропил» образы будущего исторического романа. Родники же «живой воды» он находил в непосредственном общении с народом, в своеобразном вторжении в его жизнь (не в хождении, а именно во вторжении в народ).

Оставляя свою «легкую лодичку» на пристани какого-нибудь товарищества охотников, у плотовщиков или просто на берегу, в кустарнике, Артем Веселый шел на базар, в дом крестьянина, в чайную, в пивную. Там он щедро угощал всех: грузчиков, рабочих-сезонников, лесорубов, плотовщиков... Его можно было видеть продающим то битую дичь — уток или гусей, — то пойманную наметкой рыбу. Он кормился и с ружья и с сети не потому, что не было литературных доходов, а потому что хотел жить на равных правах с народом, причем к народу от относил и «правила», и «исключения», то-есть не только пролетариат и крестьянство, но и спекулянтов и бродяг.

Артема Веселого видели и в старообрядческих селах, и в казачьих станицах: в моленных, на вечеринках, у разведенных рыбаками костров. Он успевал всюду: сильный, загорелый, с дерзким, слегка разбойничьим лицом, в русской рубашке и в сапогах со стоптанными каблуками.

Вторжение в старину обрадовало Артема Веселого. Вторжение в народ — опечалило или, как он сам любил говорить, «обезрадило» его.

«Вьюга горестных раздумий охватила меня в пути, — отмечает он в «конечном словце» (в послесловии) к роману

«Гуляй Волга». Чем же вызваны эти горестные раздумья? Ведь как художник слова, едва ли не впервые обратившийся к исторической теме, Артем Веселый должен бы был испытывать только удовлетворение.

Изучая судьбы отдельных людей, преимущественно выходцев из деревни, Артем Веселый пытается окинуть мыслью их будущее и составить представление о судьбах страны, которая, вступив на путь коллективизации, коренным образом меняла традиционный уклад крестьянского бытия. Вот тут-то и охватывали писателя горестные раздумья.

В годы, когда Артем Веселый — под парусом или на веслах — плыл по сибирским рекам, в стране появилось «новое сословие», которое, быть может, уместно назвать «сословием полубродяг» или «босяков поневоле». Это большей частью крепкие хозяйственные мужики, которые — поняв после 15-го съезда партии, что индивидуальное землевладение всё равно будет пущено под откос, сами, не дожидаясь, пока их раскулачат, ликвидировали свои хозяйства и растекались по стране в поисках новых занятий и нового образа жизни. Были среди них и герои гражданской войны и участники антибольшевистских восстаний, и казаки, сражавшиеся в гражданскую за белое дело. Со временем, этот пришлый народ как-то устраивался, оседал: кто поступал в совхозы, кто шел в лесорубы, кто подавался на рыболовецкие промыслы или в охотничьи хозяйства.

Артем Веселый застиг этих пришлых людей не в период приспособления к новой неблагоприятной почве, а в период наибольшей растерянности и душевного смятения, когда у человека, по крылатому народному выражению, «душа с места сходила».

«Вьюга горестных раздумий», охватившая Артема Веселого и была вызвана опасением, что если самые дальновидные, крепкие и инициативные земледельцы вынуждены отойти от плуга, то коллективизация изменит положение крестьянства не к лучшему, а к худшему: новый земледельческий уклад только усилит и обострит крестьянскую трагедию.

Не слишком ли смело делать такой вывод, поскольку все записные книжки Артема Веселого еще не опубликованы? Нет: для такого заключения есть достаточно оснований. В 29-ом году в мартовском (пятом) номере журнала «Молодая гвардия» Артем Веселый публикует «полурассказ» (по тер-

минологии самого автора) «Босая правда». Написан полурассказ в форме письма отчаявшихся и во всем разуверившихся партизан «прославленному красному полководцу» Михаилу Васильевичу Фрунзе.

«Горе заставляет нас писать, — говорят они, — надо открыто сказать правду — в жизни нашей больше плохого, чем хорошего... И в самом деле, оглянись назад, вспомнишь, сколько страху мы приняли, сколько своей и чужой крови пролили, — и чего же добились? Много оголодавшего народа уходит в город на заработки».

Кто же повинен в бедствиях «оголодавшего народа»? По Артему Веселому те вершители судеб послеоктябрьской России, для которых обладание полнотой власти — не средство, а самоцель:

«Зажирели прохвосты, — продолжают авторы письма, — опьянели от власти. Ежели таковые и впредь останутся у руля, то наша республика еще сто лет будет лечить раны и не залечит».

Так пишет Артем Веселый в полурассказе «Босая правда», написанном в первой фазе «речных скитаний». В его романе «Гуляй Волга», где Артем Веселый заставляет далекое прошлое переключаться с близким будущим, есть отрывки близкие по духу «Босой правде».

«Дика стояла земля.

Жил на ней дикий народ,

Управляемый дикими властителями.

Царь за всех думал, князья и люди ратные воевали, а мужики пашню пахали, траву косили и всякие дела делали — исстари крепка стоит Русь горбами мужичьими.

Большого давил набо́льший, большие ехали на середняке, средние обдирали меньших. Меньшие же, черные людишки, жили по пословице: «Не страшно нищему, что деревня горит — взял сумку, да и пошел». И, когда становилось невмоготу, сбивались лапотные людишки в шайки и брели куда глаза глядят, кормясь бурлачеством, разбоем и войнами».

Иссстари крепка Русь горбами мужичьими. Иван Грозный, пуская «красных петухов» в боярские уголья, тоже уничтожал крупное землевладение, но простому мужику от этого не легче, а горше. Не будет ли и коллективизация подтверждением того, что ветер возвращается на круги своя, что история повторяется?

**

У Артема Веселого есть центральная тема, определяющая все его творчество. Это тема диктатуры и свободы. В романе «Гуляй Волга», последнем крупном произведении Артема Веселого, тема эта была посажена автором в «машину времени» и перенесена из современной революционной России в эпоху Ивана Грозного.

Пускаясь в путешествие по древним временам, Артем Веселый, верный своей центральной теме, пишет исторический роман о деспотизме и дикой народной воле. Его мучительно волнует вопрос, был ли бы Иван Грозный столь могуществен и велик, если бы ему не удалось использовать для укрепления государственной власти поборок дикой свободы типа Ермака. Иными словами, писатель пытается разрешить загадку «существования» неограниченной тирании и необузданной вольности.

Формально Иван Грозный не принадлежит к числу главных действующих лиц романа. Но сюжет «Гуляй Волга» построен автором так, что мы хоть и не видим московского царя, но непрестанно, на протяжении чуть ли не всего повествования чувствуем его тяжелый, ястребиный взгляд, точно Иван Грозный поставил свой златокрылатый трон на вершине высокой горы, откуда ему видна вся русская и не русская земля, с долинами и холмами, городами и деревнями, многоводьем озер и рек. Отсюда, с этой горы, царь следит за всеми действиями Ермака и как бы взвешивает как с ним поступить: пособить ему в ратных походах или шею свернуть?

Такие как Ермак и нужны ему, и опасны: буйница Ермака взяла в топоры Сибирь, но кто знает, не вознесется ли она до отчаянной мысли занести топор и над Московским Кремлем. В истории может быть такой поворот, когда воля тирана и стихийно проявленная свобода ненадолго оказываются союзниками. Но это содружество только внешнее, потому что за ним скрывается напряженная внутренняя борьба. Борьба эта неизбежна: свобода, в любом ее проявлении, стихийном или сознательном, органически враждебна какой бы то ни было форме деспотизма.

Артем Веселый дает читателю почувствовать, что Иван Грозный выйдет победителем из борьбы. Хотя бы потому, что царь до малейших подробностей изучил и сильные и слабые стороны Ермака; для верховода же «Гуляй Волги» царева ду-

ша — потёмки. Ивану Грозному на руку, что Ермака может погубить (и в конечном счете погубило) то, что В. А. Келтуяла назвал «комплексом Васьки Буслаева», а именно — переоценка собственных сил и возможностей, самоослепление величием одержанных побед и принципиальное безрассудство. Буйница, рано или поздно теряя осторожность и предусмотрительность, — теряет тем самым голову. Ей невдомёк, что враг может не только ослабеть, но и окрепнуть, набрав новые силы. Иван Грозный нарочито развивал в Ермаке «буслаевский комплекс», толкая «Гуляй Волгу» вместе со своим верховодом навстречу гибели.

«Бушевала такая темень, — писал Артем Веселый в 'Гуляй Волге', — что под веслом и воды не было видно, будто обнялись и выли над Сибирью разом сорок ночей... Ярмек воспрянул, когда уже больше половины людей было посечено. Работая шашкой, атаман кинулся к воде, но татары, чтоб отрезать казакам надежду на спасение бегством, заранее спустили с берега пустые лодки и они, подхваченные быстрым течением и ветром, исчезли во тьме... Ярмек отбивался пока не перелетела шашка, ударившись о татарское копье.

С крутояра бросился в разливы...

Тяжкий панцырь увлек атамана в пучину, волны, шумя, сомкнулись над его непокрытой головой.

Неприветлива ты, чужая сторонка, не ралошна.

Дурыня, удалой казак! Не твои ли очи песком засыпаны?
И не твой ли последний вздох ветер развеял по степи?

Не слышно больше и песен Якуньки Дедюхина — с кровью изошла его жизнь.

И ты, Заруба, отгулял, отбуянил — смирнехонько лежишь в долбленной колоде...

Не тебя ль, Табунец, аркан кочевника увлек в далекую Бухару?»

Таков конец Ермака и его вольницы, бессознательно расчистившей путь деспотизму царя Ивана. Сам Артем Веселый смотрит на своего Ермака и с восхищением, и с огорчением: писатель восторгается его мужеством, личной храбростью, недюжинными способностями воеводца и организатора; огорчен же он тем, что Ермак и его буйница носят поражение в самих себе: мало того, что поборник стихийной воли оказывается только орудием в руках тирана; Ермаку и его дружине свойственна бессмысленная, животная жестокость, «рысья жесточь», — как пишет Артем Веселый в одном из черновых

набросков к роману «Гуляй Волга». Из-за этой «жесточности» у дикой свободы, которая двинула в далекие неизведанные просторы Ермака и его буйницу, — сибирская язва в сердце.

Так Артем Веселый убеждает своих читателей в том, что совмещение «жесточности» и дикой свободы убийственно для последней.

**

Схватка жестокости и свободы всегда интересовала Артема Веселого. Но только в «Гуляй Волге» писатель решительно осуждает жестокость. В других произведениях, — не на исторические темы, а посвященных русской революции, он, если не оправдывает жестокость, то, во всяком случае, мирится с ней, как с неизбежным злом.

Наиболее отчетливо сказалось это в «Реках огненных», сравнительно ранней повести Артема Веселого, над которой писатель работал в Севастополе и в Москве в 1922-23 гг.

Ванька Грамофон и Мишка Крокодил, герои повести, «два великодушных братишки», «краса и гордость революции», что с «памятного восемнадцатого годочка из крейсера вывалились», вряд ли помнят родословное древо своих предков, но, судя по нраву и поступкам, их можно принять за праправнуков Дурыни, Зарубы, Якуньки Дедюхина, Табунца или кого-либо из других сподвижников Ермака.

— «Ваша специальность?

— ...Истинный борец за народны права, борец безо всякого недоразумения...

— Ваше занятие?

— В 17-м ривалюцию завинчивал, офицеров топил, а также был членом в судовом комитете».

Так разговаривает Мишка Крокодил с комиссаром, возглавляющим одну из комиссий по проверке личного состава советского флота. Оба «красных героя» оказались комиссару слишком дерзкими и нахальными. Впрочем Мишка с Ванькой и не скрывали своей ненависти к «зарвавшейся и зубастой партийной силе»: «Рви глотки начальникам и комиссарам», (как прежде вытряхивали буржуя из штанов)... Ежели топить, большой камень нужен».

Но начальники и комиссары тоже не дали маху. Они из тех, которые топят, а не из тех, которых топят. Двух «великодушных братишек», «завинчивавших некогда ривалюцию», списали с корабля, как недисциплинированный элемент.

«На другое утро, — пишет Артем Веселый, — раздетые и разутые, уходили Мишка с Ванькой, с трапа обернулись, в последний раз любовно оглядели корабль».

Так краса и гордость октября мало-помалу превращается в босяков советской формации, в лишние люди, выброшенных диктатурой за борт жизни.

К этим двум героям Артем Веселый относится и с ласковой озорной иронией, и с грустью. Ванька Грамофон и Мишка Крокодил настолько опьянели от небывалых свобод, что не заметили, как действовали в интересах партии, подчинившей своей воле все «народны права».

В русской революции было две движущих силы: стихийно-демократическая и диктаторская, однопартийная. Между ними происходила напряженная, упорная борьба, не раз принимавшая драматические формы. Большевистская диктатура пришла к победе путем вероломства и обмана. Она увлекла народ обещаниями неограниченных свобод и самого широкого народоправства.

Артем Веселый и показывает как вероломство и обман отразились на судьбе двух моряков, из тех, что некогда на всех фронтах были самой надежной опорой большевиков. Писатель и «возвышает» героев «Рек огненных», и в то же время беспощаден к ним: они сочетают дерзость сердца и недюжинный природный ум с невежеством, храбрость и самопожертвование с хулиганством и бандитизмом, великодушие — с жестокостью. И здесь Артем Веселый впервые приходит к более подробно развитой в «Гуляй Волге» мысли о том, что жестокость разрушает свободу изнутри: именно это и объясняет причины того, что Ермак, Пугачев, Разин и пугачевско-разинская стихия революции семнадцатого года превращают собственные победы в поражения. Больше того, неистовые поборники свободы, на протяжении всей истории России только готовят торжество деспотизма, независимо от того, развеваются ли над ним знамена с изображением двуглавого орла или же красные знамена с перекрещивающимся серпом и молотом.

**
*

«Главный итог писательского труда Артема Веселого — роман «Россия кровью умытая» — пишет Михаил Чарный в журнале «Октябрь» (1957, номер 9). — «Можно сказать, что

всю свою жизнь он, в основном, создавал это произведение о родной стране, о России, вздыбленной революцией».

«Россия кровью умытая» задумана автором, как грандиозная панорама гражданской войны в России, где в качестве отдельных фрагментов, словесных фресок, что ли, писатель использует свои старые повести, рассказы, наброски. Их содержание в каждой новой или обновленной редакции романа подвергалось переработкам, переделкам... Так, например, свою лучшую повесть «Страна родная» (1924-25 гг.) после переделок и изменений Артем Веселый включает в «Россию кровью умытую». Подробное изложение длительного и сложного процесса работы писателя над этой эпопеей непомерно удлинено бы эту статью. Укажем только, что Артем Веселый как бы ренает, взвешивает, не было ли его, — почерпнутое из личного опыта, связанное с интуитивными симпатиями и антипатиями, — отношение к гражданской войне самообманом. Кто же в конце концов прав: партия в своей трактовке гражданской войны и антикоммунистических восстаний или же он, Артем Веселый, у которого на этот период истории России своя точка зрения, резко отличная от партийной? Таким образом творческая история «России кровью умытой» представляет собой как бы серию диспутов художника с идеологически выдержанной плеядой партийных историков новейшего времени. Диспуты эти принимают подчас драматические формы: Артем Веселый то с пеной у рта отстаивает свои позиции, то снимает шапку перед оппонентами, то вдруг неожиданно отрекается от обдуманного раскаяния и снова лезет на рожон.

В эпопее «Россия кровью умытая» четыре героя: Митька, Иван Чернояров, Васька Галаган и Максим Кужель. Их действия и переживания Артем Веселый показывает — крупным планом — на фоне массовых сцен. Этим писатель как бы подготавливает читателей к пониманию целого по части, чтоб по облику этих четырех героев читатель составил себе представление об облике «взвяхренной Руси», то-есть, о России периода гражданской войны и антибольшевистских восстаний.

В характере Васьки Галагана есть черты чем-то напоминающие Ваньку с Мишкой, но Васька — и в этом его отличие от героев «Рек огненных» — сознает, что делу время, потехе час. Это надо понимать так: время — жесткой дисциплине и казарменному быту, а час — разнузданной и ничем не стесненной свободе. К тому же Васька волчьим нюхом чует, что забубенному удальству и воле, которая утверждается шты-

ком и гранатой, события позволят оставаться безнаказанными только до поры до времени. Поэтому тот, кто не глуп и не труслив по натуре, должен ловить революционный момент: пей пока мужик откупается от братвы спиртом и самогонном, грабь, пока за грабеж в тюрьгу не упекут, восхищайся смазливой бабенкой, пока она сама не знает, жив ли ее благоверный или убит и на чьей он стороне — на красной или на белой.

В конце концов Васька — красный герой. Но не потому, что уверовал в большевиков, а потому что безошибочно угадал в Ленине и его приверженцах сильнейших, тех, что твердой рукой установят незыблемый порядок. История Васьки Галагана — это история укрощения стихийного бунтаря, который мирится с дисциплиной, как дикий конь — с тем, что ненавистное седло снова натирает ему спину.

В характере Максима Кужеля есть что-то общее и с майором Тушиным, и с Платоном Каратаевым из «Войны и мира». Для Кужеля принятие революции и даже посильное участие в ней равносильно непротивлению революции.

Война, для таких как Максим, та же работа, что и любая другая, — но только гораздо более опасная, более тяжелая и более грязная. И к большевикам он примыкает лишь потому, что хочет видеть в них справедливых хозяев, которые, если у них наладится дело, будут и платить лучше, и обращаться обходительнее.

Кто же он, Максим Кужель и тысячи таких как он? Наивные жертвы бесшабашной демагогии коммунистов или же одни из тех, для блага которых сведена революция на землю?

Эти вопросы Артем Веселый оставляет открытыми.

В работе над образами Васьки и Максима Артем Веселый доходит до признания, что вошедший в силу большевизм опирается не на стремление народа к свободе, а напротив, на его приученность к рабской покорности, к беспрекословному подчинению чужой воле.

Но неужели в народе столетиями ожидавшем свободы и хотя бы недолго дышавшем ею, не найдутся люди, горящие желанием дать достойный отпор партии, с первых же дней существования отстаивавшей монопольное право на государственную власть путем насилия и террора?

Укрощенному Галагану и покладистому Кужелю Артем Веселый противопоставляет героизм и самопожертвование Черноярова и Митьки. Чернояров и Митька — люди совсем иного душевного склада, чем Васька и Кужель: стихийные

поборники дикой свободы, они расканваются в собственной жестокости, невероятным напряжением волн подавляют зверей в самих себе и, после крутого душевного перелома, вырастают в народных героев, оставаясь неустрашимыми и убежденными противниками большевиков.

Процесс перерождения Черноярова и Митьки показан Артемом Веселым психологически убедительно: автор ценит своих героев, но не идеализирует их, не впадает в сентиментальность и в мелодраматизм. Трагедийная мощь дарования Веселого раскрывается в образах Черноярова и Митьки.

Эпопея «Россия кровью умытая» — моральное и психологическое оправдание крестьянских, антибольшевистских восстаний, рассматриваемых Артемом Веселым, как закономерный апофеоз гражданской войны:

«...В Елабуге — восстание... По всей Симбирской губернии — восстание. В Саратове — восстание... На лодке вода, и под лодкой вода».

Кто же зажег костры антибольшевистских восстаний и почему вся страна опалена их огнем? Всё началось с того, что мужик почувствовал себя обманутым.

Вот как относятся к хозяевам новой власти мужики из «России кровью умытой»:

« — Да, она, слабода-то, кому мёд, а кому... — в рот.

— Ни тебе рта разинуть, ни тебе шагу шагнуть.

— Начисто гребут.

— Без милости.

— Скажи ты, под метелку, до скретинки.

— Амбары охолостят, по дворам пойдут.

— Это не жизнь, а одна болезнь.

— Так и так подыхать».

Недовольство переходит в протест. Вот отрывок из беседы эсера Бориса с недовольными крестьянами.

« — Сладко вам живется? — спросил он мир.

— Плохо.

— Где ваш хлеб?

— Отняли.

— Где ваша земля?

— Земля наша, а всё что на земле — советско.

— Где ваши права?

— Права наши в кулаке зажал товарищ Хватов, волостной милиционер».

Протест переходит в бунт. Бунт непредотвратим, потому

что деревня, так долго ждавшая земли и воли, не сладит захваченных позиций без яростного, отчаянного боя. Артем Веселый придает очень большое значение крестьянским антибольшевистским восстаниям, видя в них начало последовательного и неудержимого сопротивления наступлению фабрики на деревню. Без этого наступления коммунистическая партия не мыслит организованный переход от разрушения к созидательной работе. Большевики смотрят на индустриализацию как на своего рода танк, которым будут растоптаны и стародавний уклад крестьянского бытия, и свободолюбивый бунтарский дух, принесенный в деревню революционным потрясением семнадцатого года. Так русская деревня с помощью фабрики превращается в колонию правящей партии.

«С далекого севера, — читаем мы в последних «Залпах» (так Артем Веселый перекрестил главы поздней редакции «Страны родной») — встречу хлебным маршрутам, в дребезжащих теплушках накатывались красные полки...

Город поднял деревню. Соломенная сила рухнула. И восстанцы, бросая по дорогам вилы, пики, ружья, на все стороны бежали, скакали и ползли, страшные и дикие как с Мамаева побойща...

Страна родная!. Дым, огонь — конца, краю нет».

Из эпопеи «Россия кровью умытая» можно заключить, что не утверждение демократических свобод связано с октябрьской революцией, а только замена одного абсолютизма другим: различие лишь в том, что самодержавие было выстроено из дерева, которое до того обветшало, что рухнуло не под ударами топоров в руках бунтарей, а само собой; коммунистический же абсолютизм — выплавлен из стали и потому, если его не разъест коррозия, продержится долго, хоть и не вечно.

Артем Веселый десятилетиями жил двойственной или, вернее, раздвоенной жизнью: активный член партии, он все время отстаивал право писателя на творческую и духовную самостоятельность. В этой душевной борьбе партийца и художника большой художник победил коммуниста. Но за эту победу Артем Веселый заплатил утратой свободы, а позднее и жизнью. В 37-ом году он был арестован. Сравнительно недавняя реабилитация писателя — фактическое подтверждение его физической гибели.

Подводя итоги творческой деятельности Артема Веселого, мы не можем не прийти к выводу, что все его книги не-

волью воспринимались читателем, как мятеж против партийно-коммунистической фальсификации истории гражданской войны и антибольшевистских восстаний, с одной стороны, и против сталинской фальсификации всей русской истории в целом — с другой.

В частности, «Россия кровью умытая» — диаметрально противоположна одобренному Сталиным роману Николая Вирты «Одиночество», — книги насквозь лживой, где Антоновское восстание изображено извращенно. К тому же, незадолго до того, как Сталин провозгласил Ивана Грозного «нашим великим предком и справедливым властителем», Артем Веселый в историческом романе «Гуляй Волга» выводит московского царя тираном и деспотом...

Артем Веселый реабилитирован. Но отношение писателя к антибольшевистским восстаниям продолжает и сейчас возмущать даже тех, кто содействовал реабилитации А. Веселого. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть (в девятом номере «Октября» за этот год) статью М. Чарного, автора вышедшей в тридцатых годах монографии об Артеме Веселом — «Певец партизанской стихии».

**

Нами дан сжатый тематический обзор творчества Артема Веселого, но как подойти к нему с позиций формального историка литературы? Артем Веселый — один из очень немногих пореволюционных писателей, о ком можно говорить как о большом и смелом мастере. Художественные достоинства произведений Артема Веселого, пожалуй, равноценны их социальной ценности.

Язык и стиль Артема Веселого — находка для специалистов по истории русского языка, и остается пожалеть, что они или не заметили этой находки, или же по каким-то причинам не воспользовались ею. Поскольку формальная сторона творчества Артема Веселого еще не стала объектом пристального исследования филологов, укажем, — в общих чертах, не вдаваясь в подробности — на то, что представляет в нем главнейшим и значительным.

Несомненно, что на творчество Артема Веселого оказали влияние «Серебряный голубь» Андрея Белого и поздняя проза Велемира Хлебникова (прежде всего его «Малиновая пашка»), но главным, определяющим было всё-таки воздействие «Огненной России» и «Взвихренной Руси» Алексея Ремизова.

«Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, — вспомнить невозможно, — вижу тебя, оставляешь свет жизни, в огне поверженная».

Так писал Алексей Ремизов в «Огненной России», — книге, которая наложила отпечаток на ранний период творчества Веселого. Влияние же «Взвихренной Руси» больше сказалось в работе писателя над «Россией, кровью умытой». Вот почему вряд ли будет преувеличением утверждать, что Артем Веселый, как художник слова, вышел больше всего из этих книг Алексея Ремизова. Однако, Артем Веселый слишком самостоятелен, чтобы не использовать заимствованное для создания новых, оригинальных форм. Восхищаясь экспериментальными словотворческими новшествами Белого, Хлебникова, Ремизова, Артем Веселый сознавал, что то дерзновенное, небывалое, диковинное, что удалось вырастить в «стилистических лабораториях» его учителям, может не взойти, будучи перенесенным из области экспериментальной поэтики на общероссийскую почву разговорной речи.

И Артем Веселый как бы задался целью скрестить дерзания Белого, Хлебникова, Ремизова с живой стихией русского современного народного языка. В усилиях добиться этого писатель изведаль победы и поражения, взлеты и срывы: своеобразие его стиля, со всеми достоинствами и недостатками, обусловлено этими усилиями.

Язык Артема Веселого проще, грубее и подчас примитивнее, чем язык его творческих «наставников», но в то же время новизна и необычность его стиля почти всегда отличается первозданной свежестью. В органическом единстве естественного и дерзновенного — отличительная особенность словесной орнаментальности Артема Веселого.

В чем Артем Веселый неповторим и в чем он особенно силен — так это в своей работе над метафорой, метафорическим эпитетом, сравнением и другими разновидностями тропов. Им, действительно, найдены и разработаны богатейшие «золотые прииски» поэтических образов. К сожалению, и эта сторона произведений Артема Веселого недостаточно изучена. Выдвинем пока что одну гипотезу. А. А. Потебня в своем исследовании «О некоторых символах в славянской народной поэзии» говорил, что язык «столько же произведение разрушающей, сколько и воссоздающей силы»... Действие разрушающей силы может привести к выветриванию из народной речи первозданной образности. Действие воссоздаю-

щих сил, напротив, может исцелить народное воображение от омертвления, возродить исконную склонность народа к образному мышлению.

Артем Веселый и увидел в языке русской деревни периода гражданской войны и антибольшевистских восстаний воскрешение угасших было образотворческих сил. Правда, силы эти вспыхнули ненадолго, но вспышка эта успела осветить творческий путь Артема Веселого.

В историю пореволюционной литературы Артем Веселый войдет как выдающийся представитель романтического изображения пугачевско-разинской стихии в русской революции.

Вяч. Завалишин

**

*

Все тот же мировой экран:
Бандиты, спутники, министры.
Пустой захлопнулся капкан
И сталь его сверкнула искрой.

Но если бы в него попал
Своею лапой зверь голодный,
Капкан бы искры не издал,
К страданью всякому холодный.

В искусстве то же: лишь тогда
В нем искра божия родится,
Когда ни радость, ни беда
С его сияньем не родится.

А. Величковский